

СООТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМ

Зимовец Людмила Григорьевна

Доктор философских наук, профессор
Сочинский государственный университет
nauka-rgsu-s@mail.ru

CORRELATION OF THE RUSSIAN POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS

L. Zimovets

Summary. This article discusses the main parameters of the interaction of the legal system with other social system formations and, above all, with the political system. In the research context special attention is paid to the influence of the political factor on the nature and dynamics of legal borrowings, and the influence of the political situation on the law.

Keywords: Law, political system, state, political conjuncture, legal reception.

Аннотация. В статье рассматриваются основные параметры взаимодействия правовой системы с иными социальными системными образованиями и, прежде всего, с политической системой. В контексте исследуемой проблематики особое внимание уделено вопросу о влиянии политического фактора на характер и динамику правовых заимствований, о влиянии политической конъюнктуры на право.

Ключевые слова: Право, политическая система, государство, политическая конъюнктура, правовая рецепция.

Исследование российской правовой системы вряд ли будет полным без учёта роли политического фактора. В процессе своего развития и функционирования правовая система общества активно взаимодействует с иными социальными системными образованиями и, прежде всего, с политической системой. Параметры этого взаимодействия (взаимосвязи) зависят от многих факторов. При этом речь идёт как о публично-правовой, но и о частноправовой материи. Принципиальное функциональное отличие между этими системами состоит в следующем. Если генеральной функцией и назначением политической системы является управление, то у правовой системы это, прежде всего, регулирование. Вместе с тем, обе функции воплощаются в правовой политике, реализуемой в различных сферах существования правовой реальности¹.

Политическая система представляет собой часть социальной системы, охватывающую совокупность со-

циальных субъектов и институтов, связанных участием в политической жизни, различных форм политических связей и отношений, в которых она осуществляется, и ядром которых являются отношения по поводу государственной власти и результатов политической деятельности.

Необходимость учёта роли политического фактора обуславливается развитием современных интеграционных процессов. Политические образования эволюционируют на качественно новых уровнях, что воздействует на соответствующее развитие правовых систем. Наконец, роль политической системы сложно переоценить в историческом контексте. Понимание особенностей эволюции правовой системы неизбежно требует учёта политического фактора. В противном случае сложно объяснить некоторые исторические закономерности правового развития.

Говоря о политической системе общества, мы, невольно обращаем свой мысленный взор к её главному субъекту, каковым является государство. В отечественной теории права господствующим является представление, согласно которому, именно государство выступает в качестве субъекта, творящего право и обе-

¹ По мнению А.В. Малько, только в настоящее время начинает оцениваться категориальный аппарат правовой политики правоведами, политологами, культурологами и представителями других областей знаний отечественной науки, ориентированных на модернизацию политико-правового пространства современной России (Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 27).

спечающего его реализацию всеми участниками общественных отношений. Причём, в сознании большинства населения государственное правотворчество связано, прежде всего, с установлением запретов (перечня правонарушений и мер ответственности за них).

По мнению Р.А. Ромашова, данный подход «основан на патримониальной концепции государства, в рамках которой последнее (государство) есть не что иное, как социотерриториальное владение государя»¹. При этом в качестве «политического тела» государя может выступать как индивид (монарх, диктатор, президент), так и коллективный орган. В рамках этой системы отношений субъективному интересу доминирующего политического субъекта и придаётся публичный характер.

История изобилует примерами подчинения права политической целесообразности. Неразрывная связь политики и права также не вызывает сомнений. Однако для отечественной правовой системы это особо болезненная тема. Достаточно вспомнить известную ленинскую цитату: «Закон есть мера политическая, есть политика»². Впрочем, истоки этого явления уходят вглубь отечественной правовой истории.

В Древнерусском государстве для системы правового регулирования было характерно сохранение во многих сферах общественной жизни мононормативного регулирования, через обычаи, традицию, религию. Причём, крупные мононормативные формы сохранились и в Московский период, демонстрируя разнообразие и гибкость системы источников правовой системы Московского царства. Для правовой литературы допетровской Руси центральной темой было понимание «правды» как юридической категории. Уже митрополит Илларион в своём знаменитом памятнике политико-правовой мысли «Слово о Законе и Благодати» обосновал понимание Правды как правового явления, включающего в своё содержание и духовную (религиозно-нравственную) мотивацию³.

Крупный отечественный правовед М.В. Шахматов, проанализировав существенный пласт памятников древнерусской письменности, пришёл к выводу, что центральной идеей отечественной общественной мыс-

ли выступала идея «государства правды», т.е. подчинения государства *началу вечности*⁴.

Принесение же права в жертву политической целесообразности, как показывает анализ научно-исследовательской литературы, связан с периодом петровской модернизации. Преобразования начала XVIII в. привели к радикальному изменению социальной роли права в жизни российского общества. Устойчивой тенденцией стал рост отчуждения норм права от реальной жизни и его бюрократизация. Исследователи указывают на упрощение и примитивизацию системы источников права. Отныне только за актами государственной власти признавался нормативно-регулятивный характер. Соответственно, «воля земли» и религиозно-нравственные начала были заменены субъективной волей законодателя, что привело к неизбежному снижению легитимации права. Формальная трактовка законности стала рассматриваться как соблюдение одной лишь буквы закона, забывая о его духе. Широкая инкорпорация иностранных норм не способствовала росту общественного правосознания, которое оставалось чуждым инокультурным заимствованиям. Расплывчатость формулировок нормативных актов и их декларативный характер шли рука об руку с деградацией юридической техники. Попытки привести отечественное законодательство в надлежащий порядок, которые перманентно предпринимались на протяжении второй половины XVIII века вплоть до кодификации, осуществлённой в правление Николая I графом М.М. Сперанским, не смогли устранить разрыв между правом и широкими слоями российского общества.

Пожалуй, наиболее масштабной попыткой преодолеть разрыв между властью и народом стали либеральные реформы Александра II. Важнейшими шагами в данном направлении стали: провозглашение всесловного суда, предполагавшего равенство подданных перед законом; отделение суда от администрации; установление выборности и несменяемости судей; коллегиальность рассмотрения дел и состязательность процесса; гласность суда и право на защиту; введение институтов присяжных заседателей и присяжных поверенных.

Однако, эпоха реформ было недолгой, сменившись периодом контрреформ, а революционные потрясения начала XX в. не способствовали утверждению приоритета права над государством в России. Кроме того, как отмечает П.В. Крашенинников, в предреволюционный период в российском обществе большой популярностью пользовались радикалистские настроения, «объ-

¹ Ромашов Р.А. Перманентная переходность как постоянное состояние российской государственно-правовой системы // Кризис права: история и современность: монография / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 20.

² Ленин В.И. О карикатуре на марксизм // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 32. С. 99.

³ Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / Сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 174–189.

⁴ Шахматов М.В. Государство правды: монография. М.: Фонд ИВ, 2008. С. 41.

являвшие право исключительно инструментом насилия властей над народом и требовавших «взять и отменить» и государство и право»¹.

Советская правовая система, возникшая на обломках буржуазного права, основывалась на отрицании западной правовой традиции. Характерными её особенностями, свидетельствующими о тотальной зависимости права от политических приоритетов правящего слоя, были следующие аспекты.

Прежде всего, господство официальной идеологии, которая обрела черты религиозной догматики, позволяет говорить о сближении отечественной правовой системы советского периода с религиозными системами.

Как отмечает профессор Е.А. Лукашева, идея, возникшая ради благородной цели всеобщего счастья, оказалась мифом, обладающим страшной разрушительной силой; догмой, не допускающей ни малейшего отступления от неё².

В первое время после революции основным источником права было революционное правосознание. При этом к субъектам права имел место ярко выраженный не юридический, а социально-классовый (политический) подход. Был провозглашён и подтверждён последующей практикой примат интересов государства над личностью. Была сведена к минимуму сфера частного права. В.И. Ленин прямо заявлял: «Мы ничего частного не признаем, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»³. Фактически, речь шла о полном поглощении частного права правом публичным. Впрочем, некоторые исследователи обращают внимание на то, что Ленин «никогда не выступал противником частного права», а в приведённой цитате он лишь ратовал за более активное участие государства в сфере распределения материальных благ⁴.

Под воздействием идеологического диктата, связанного с закреплением марксистско-ленинской концепции государства и права и её претворением в общественно-политических институтах, как отмечает Р. Леже, институты частнопроводного спектра в значительной

степени утрачивали своё значение, а публично-правовые приобрели важнейшую роль⁵.

В результате, по мнению Н.М. Коршунова, сложилась система, основанная на доктринальном отрицании приоритета прав и свобод человека, «на выдвигании на первый план общественных (государственных) интересов

и публично-правовых средств их законодательного закрепления и защиты»⁶.

В советском правоведении проводилась в жизнь концепция, согласно которой «личные, коллективные и общественные интересы существуют в виде определённой системы, в которой соотносятся как отдельное, особенное и общее: личные интересы подчинялись коллективным, а те, в свою очередь — интересам общественным»⁷.

В сущности, этатистская концепция права вытеснила все альтернативные построения, прежде всего социологические подходы к праву. Советское право, всё более отрываясь от общественной жизни, принимало вид так называемого регулятивного механизма. На теоретическом уровне связь права с обществом потеряла какое-либо значение, а само право переместилось практически полностью в сферу государственного бытия. Как отмечает Т.Н. Радько, отечественное правоведение советского периода рассматривало политику как внутренний двигатель права, оказывающий влияние на его развитие. Утверждался тезис: «Право ничто без политики, не существует права аполитичного, независимого от политики»⁸.

Кризисные явления в политической системе советского общества привели к крушению социалистической государственности и системному кризису всей правовой системы.

Преобразования государства и права в постсоветский период актуализировали дискуссию о соотношении политической и правовой систем российского

¹ Крашенинников П.В. Серебряный век права: монография. М.: Статут, 2017. М. 28.

² Лукашева Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни: монография. М.: норма: Инфра-М, 2018. С. 10.

³ Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

⁴ Болгова В.В. Основы публичного права: монография / В.В. Болгова / под общ. ред. В.М. Ведяхина. Самара: Самарское отделение Литфонда, 2009. С. 347.

⁵ Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. 2-е изд., перераб. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 209.

⁶ Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография / Н.М. Коршунов. М.: Норма: Инфра-М, 2015. С. 108.

⁷ Шепелев Д.В. О публичных интересах в правовом регулировании // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. А.В. Корнев. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 327.

⁸ Радько Т.Н. Государство, право и политика // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. А.В. Корнев. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 236.

общества. В правовой теории получил развитие тезис о примате права над политикой. Впрочем, он был критически воспринят рядом исследователей, которые убедительно аргументировали свою позицию, указывая, что анализ соотношения политики и права не на понятийном, а на историко-конкретном уровне невозможен без обращения к экономико-историческому типу общества¹.

В контексте исследуемой проблематики заслуживает внимания вопрос о влиянии политического фактора на характер и динамику правовых заимствований. Как верно указывает А.В. Скоробогатов, правовая рецепция может носить как объективный, так и субъективный характер. В первом случае она обусловлена социальными потребностями общества-реципиента. При этом не происходит разрыва с национальной правовой традицией, более того, интеграция правовых заимствований общества-донора органично адаптируется к системе нормативных ценностей и юридических конструкций общества-реципиента. Субъективный характер рецепции, напротив, проявляется в стремлении политической элиты общества-реципиента сконструировать правовую систему, обеспечивающую её господство².

В связи с вышеизложенным, заслуживает внимания взгляд О.Е. Кутафина на специфику российского конституционализма. По мнению крупного учёного-правоведа, отечественная теория и практика свидетельствуют, что в нашей стране «социальным носителем конституционной идеологии постоянно являлись представители правящих классов»³. Речь идёт о представителях российской политической элиты, которые в силу различного рода обстоятельств ратовали за конституционное ограничение власти.

Точка зрения, высказанная крупным российским конституционалистом, находит подтверждение в историко-правовом исследовании, которое осуществил Ю.В. Пуздрач. В своей монографии он (с позиций диагноста российского общества) отмечает следующее: «западное общество существенно изменило свои взаимоотношения с государством, а Россия, к сожалению, до сих пор не может вырваться из самодержавного периода своей истории, несмотря на то что формально самодержавия в нашей стране нет уже много лет»⁴.

¹ Радько Т.Н. Указ соч. С. 237.

² Скоробогатов А.В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1. С. 79.

³ Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 томах: Том 7. Российский конституционализм: монография. М.: Проспект, 2011. С. 5.

⁴ Пуздрач Ю.В. История российского конституционализма IX–XX веков: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 12.

Исследователь, безусловно, прав, когда говорит о превалировании в общественном правосознании «самодержавных» позиций. Потребность в конституционализме осознаётся «очень ограниченным числом граждан, что всегда было характерно для российского общества»⁵.

Причина подобного положения вещей очевидна. На всём протяжении российской истории государственная власть довлела над каждым отдельным человеком и обществом в целом. Страх и социальная апатия настолько глубоко укоренились в общественном сознании, что попытки представителей элиты о важности правовых начал в жизни общества не находят должного отклика у большинства населения страны, не осознающего своей гражданственности.

Ещё одним аспектом, требующим самого пристального внимания, является влияние политической конъюнктуры на право. Современная российская правовая действительность изобилует множеством примеров, когда принятие общественно значимых нормативных правовых актов неоправданно затягивается, в то время как принятые акты не оправдывают надежд и ожиданий граждан. Кроме этого, в ряде случаев действие соответствующих нормативных правовых актов приостанавливается или отменяется, корректируется, либо не исполняется, либо сводится на нет индивидуальным правовым регулированием. Совершенно очевидно, что подобные ситуации во многом связаны с наличием политической конъюнктуры в праве.

На основе анализа правотворческой деятельности и содержания принимаемых законов можно выделить следующие проявления политической конъюнктуры.

Во-первых, принятие нормативных правовых актов, не соответствующих объективным потребностям общественного развития.

Во-вторых, принятие в принципе нужных, но заведомо невыполнимых (популистских) нормативных правовых актов.

В целом следует признать взаимообусловленность политики и права. Максимальной кристаллизацией этого является правовая политика как комплекс идей, мер, целей и задач, а также программ, принципов, реализуемых обществом и государством в сфере действия права и посредством права. Именно правовая политика выступает в качестве важнейшего средства юридической легитимации политического курса государства. В свою очередь, непродуманная и слабая правовая политика ведёт к сбоям в функционировании всей политической системы общества.

⁵ Там же. С. 13.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болгова В.В. Основы публичного права: монография / В.В. Болгова / под общ. ред. В.М. Ведяхина. Самара: Самарское отделение Литфонда, 2009. С. 347
2. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография / Н.М. Коршунов. М.: Норма: Инфра-М, 2015. С. 108
3. Крашенинников П.В. Серебряный век права: монография. М.: Статут, 2017. М. 283
4. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 томах: Том 7. Российский конституционализм: монография. М.: Проспект, 2011. С. 5.
5. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. 2-е изд., перераб. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 209.
6. Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398
7. Лукашева Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни: монография. М.: норма: Инфра-М, 2018. С. 10.
8. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 27)
9. Радько Т.Н. Государство, право и политика// Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. А.В. Корнев. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 236.
10. Ромашов Р.А. Перманентная переходность как постоянное состояние российской государственно-правовой системы // Кризис права: история и современность: монография / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 20
11. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / Сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 174–189.
12. Скоробогатов А.В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1. С. 79
13. Шахматов М.В. Государство правды: монография. М.: Фонд ИВ, 2008. С. 41
14. Шепелев Д.В. О публичных интересах в правовом регулировании // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. А.В. Корнев. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 327.

© Зимовец Людмила Григорьевна (nauka-rgsu-s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сочинский государственный университет